

Светлана Кистенева

К портрету «героя ушедшего времени»

«Чего я искал? ...Человека из
Прошлого, Другого.
Он жил, ожидая, что с ним бу-
дут время от времени говорить,
и никогда не поздно оправдать
его ожидания».

В.Турбин.
Пушкин. Гоголь. Лермонтов.

Одна черта столь любимых книг первой половины прошлого столетия кажется нам невозвратно утраченной: отстраненное знание прототипов заменило живейшую радость узнавания знакомых. Наверное, только тогда автор, герои и читатели так легко дышали одним воздухом и можно было жить сразу в двух измерениях — в реальных гостиницах Петербурга и в пространстве модного романа. От жизненных ситуаций и отношений на сюжетную ткань ложилась бесчисленная тень, автор же то сгущал, то смягчал их, убирая примеси и меняя оттенки. Владимир Соллогуб насмешливо сетовал: «Увы! я должен выбирать лица своего рассказа не из вымышленного мира, не из небывалых людей, а среди вас, друзья мои, с которыми я вижу и встречаюсь каждый день, нынче в Михайловском театре, завтра на железной дороге, а на Невском проспекте всегда».

У Лермонтова другая интонация: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были известны».

«Я желал бы...» Но можно ли узнать лицо теперь — уже издалека, можно ли спрашивать, обернувшись к «немому голосам»?

В последней и самой зрелой его книге названы, кажется, уже все, вплоть до безымянного драгунского капитана. Однако по-прежнему неясно, что же такое Печорин — автопортрет, портрет (Александра Карамзина или графа А.П.Шувалова) или же образ целого поколения, он один остается «закрытой» персоной. Впрочем, по словам Б.М.Эйхенбаума, вся «история замысла и писания "Героя нашего времени" совершенно неизвестна: ни в письмах Лермонтова, ни в воспоминаниях о нем никаких сведений нет». Тогда, может, еще оставлена где-то возможность простого узнавания?

Несколько графических портретов, занесенных волей обстоятельств из Петербурга в провинциальный музей, представляют одного из светских знакомых Лермонтова Константина Федоровича Опочинина (1808—1848), и среди них акварель, датированная годом смерти изображаемого. Знаменитый портретист В.И.Гау повторил здесь — видимо, по желанию вдовы — свою же работу, вошедшую в юбилейный альбом Конно-гвардейского полка, подготовленный к 1846 году.

Сам характер придворного заказа, казалось бы, предполагал тогда общий парадный тон многочисленных офицерских портретов, но художник избегает типовой бравурности образов. Так и в облике полковника флигель-адъютанта Опочинина нет ничего нарочитого (во вкусе гоголевского Черткова) — «ни сильного, энергического поворота», ни «Марса в глазах»; бледное лицо меланхолично, отмечено тенью ранней усталости... Тут-то и возникает беспокойное чувство, как если, не задумываясь, здороваясь с кем-то и не можешь припомнить, почему.

Оказывается, об этом лице многое известно: черты его не просто знакомы, они были когда-то пристально рассмотрены, «прочитаны», движения их как бы наперед угаданы. В его улыбке непременно будет «что-то детское», а «следы морщин» на «бледном благородном лбу» обозначатся «гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства».

Словом, с этим лицом вполне соотносится очень конкретное описание Григория Александровича Печорина (повесть «Максим Максимыч», 1839 г.). Лермонтов-«рассказчик» продолжает:

«У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов. Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся (...) Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском (...) То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжи-

тельный, но пронзительный и тягостный оставался по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если бы не был столь равнодушно-спокоен».

Особенность этого описания — многократное повторение частицы «не». Будто рассказчик сверяет определения с живым лицом, перебирает их, что-то отвергает, но оставляет в тексте, чтобы и читатель не пошел по ложному пути.

Для случайного совпадения здесь совмещается слишком уж много точек. Правда, Опочинину уже тридцать семь, но, судя по изображению 1841 года (домашний рисунок его юной жены), он мало изменился. Вообще же, следуя сюжету, его портрет легко представить в руках рассказчика вместе с записками умершего героя.

Константин Федорович Опочинин — сын Ф.П.Опочинина и пятой доче-

ри Кутузова Дарьи Михайловны (от нее он унаследовал карие «несмеющиеся» глаза: тяжелые веки с низкими наружными уголками придавали лицам сходное выражение — грустной рассеянности у матери, холодноватого отстранения у сына). Детские годы он провел с бабушкой, вдовой фельдмаршала, много путешествовавшей по Европе, юношей служил в Варшаве при великом князе Константине, был свидетелем «польского мятежа». Ему была суждена блестящая карьера военного, успех в свете и недолгая жизнь (умер тридцати девяти лет во время эпидемии тифа). В 1830-е годы Опочинин постоянно жил в Петербурге, часто бывал в знаменитом салоне своей тетки Е.М.Хитрово и у Карамзиных, где встречался с Пушкиным, а позднее и с Лермонтовым.

Это знакомство оставило мало следов. Известно, что молодой поэт появился в обществе под покровительством Е.М.Хитрово в 1835 году (М.Б.Лобанов-Ростовский), тогда же, очевидно, познакомился с ее племянником. Позднее «Лермонтов охотно играл с Опочининым в шахматы» (П.А.Висковатов). В собрании рукописей поэта в ГПБ хранится шуточная записка 1840 или 1841 года:

«О, милый и любезный Опочинин! И вчера вечером, когда я возвратился от Вас, мне сообщили со всеми возможными предосторожностями роковую новость. И сейчас, в то время, когда Вы будете читать эту записку, меня не будет... (переверните) в Петербурге. Ибо я несу караул. И вот (стиль библейский и простодушный) поверьте моим искренним сожалениям, что я не мог Вас известить».

И весь Ваш Лермонтов».

Из этого краткого послания ясно, что автор и адресат довольно часто виделись, сам же тон, непринужденный и стилизованный под «роковую весть», свидетельствует о дружеском понимании между ними. Вот, собственно, и все, дальше остается только гадать и, доверяясь портрету, выдавать желаемое за бывшее.

Что общего между ними (при различии положения, опыта и возраста), имели ли значение впечатления детства? Оба воспитаны бабушками, как раз в это время Опочинин писал о Е.И.Кутузовой:

«Я жил при ней, ею взлелеян, воспитан, сопровождал ее во всех ее путешествиях с 1815 года, и потому, говоря о моей юности, буду говорить о ней, ибо она была альфа и омега моей жизни».

Тогда по рекомендации мадам де Сталь Кутузова пригласила для внука «ученого и добродетельного педагога господина Жандроза», а десятью годами позже в доме Арсеньевой

появился «весьма рекомендованный» пожилой господин Жандро, покоривший всю ее московскую родню, здесь же он умер. Однофамильцы ли?

Бывая у Опочинина (в «кутузовском» доме на Французской набережной), Лермонтов мог видеть его записки, за шахматами касаться светских новостей.

Две женщины, восхищавшие поэта, искренне симпатизировали Опочинину. В марте 1837 года после масленичных балов Софья Карамзина писала брату:

«Я имела удовольствие танцевать мазурку с молодым человеком, которого нахожу замечательно приятным и остроумным, с господином Опочининым, конногвардейцем. Я не знаю другого русского офицера (...), который бы соединял в себе столько природного ума с такой общей просвещенностью, такую начитанность

ка» и обаяние вместе с внутренней свободой и иронией (вплоть до «эпословия») — все это в глазах Лермонтова могло сделать старшего друга образцом для подражания.

...Сходство Печорина с автором в романе «Княгиня Лиговская» (1836 г.) несомненно, но по мере развития этого образа его контуры все больше не совпадают с автопортретом (светлым курсивом печатаются цитаты из «Княгини Лиговской», жирным — из «Героя нашего времени»):

Его наружность, к несчастью, вовсе не привлекательная...

На балах Печорин со своей невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален, или слишком зол, потому что самолюбие его страдало.

Он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физи-

М.Ю.Лермонтов
в сюртуке Тенгинского пехотного полка.
Акварель А.К.Горбунова. 1841.

К.Ф.Опочинин.
Акварель В.И.Гау. 1848. (Угличский историко-художественный музей).

с легкостью в разговоре и с полным безразличием ко всему окружающему, так что на балу он разговаривал словно в нашей маленькой гостиной, без той рассеянности и какой-то озабоченности, которые делают наших кавалеров такими несносными (...) Мы были увлечены потоком разговора...

А.О.Смирнова-Россет вспоминала давние (весны 1832 года) балы в Аничковом дворце — в конце сезона, «в старых платьях»:

«Я надевала пуцовое платье и белые цветы и то и дело, что танцевала с Опочининым (...) Он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Императрица это заметила и мне сказала: "Вы с Опочининым очень красивая пара"».

Впрочем, их отношения, кажется, выходили из балльных рамок. Опочинин хранил портрет Смирновой, а летом 1838 года наблюдательная Софья Карамзина писала сестре из Царского Села:

«В четверг утром Константин Опочинин приехал к нам, обедал, вечером мы были у м-м Смирновой, которая продолжает ему весьма покровительствовать, они уже виделись на балу в Петергофе, где великая княгиня Мария и м-м Крюденер благодарили ее за то, что она представила им такого прекрасного танцора, как Опочинин, добавив, что это было счастье, танцевать с ним; он немало этим польщен (...) Из признательности он с почтением смотрит на м-м Смирнову и говорит с ней, что меня бы очень забавляло, если бы он при этом часто не смеялся этим принужденным смехом, который я нахожу весьма прискорбным...»

Словом, Опочинин обладал качествами, которых так желал для себя молодой Лермонтов, все еще новый человек в столичном обществе (этот «маленький Леонин, офицерик из армии, довольно бедный, никому не родня», — В.Соллогуб «Большой свет»). Военный опыт и успешная карьера, репутация «модного челове-

олимпий, которые особенно нравятся женщинам светским».

Он был небольшого роста, широк в плечах, вообще нескладен и казался сильною сложением, неспособного к чувствительности и раздражению.

Он был среднего роста; стройный тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение.

Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся (...) положение всего его тела выражало какую-то непривычную слабость.

Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности...

Глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности...

Его кожа имела какую-то женскую нежность.

Бледный благородный лоб, на котором только по долгу наблюдения можно было заметить следы морищи...

Он мог бы блистать и нравиться, потому что ум и душа, показываясь наружу, придают чертам жизнь, и гру и заставляют забыть недостатки.

(о блеске глаз) То не было отражение жара душевного или играющего воображения.

Блеск ослепительный, но холодный.

(Отметим сразу, что Печорин, «московский» в столице, на Кавказе окрывается «петербургским»).

Первое описание почти буквально повторяет слова современников о внешности самого Лермонтова: «небольшого роста, некрасиво сложен, смугл лицом» (П.Ф.Вистенгоф); «приместный, маленький ростом, с большой головой» (М.Е.Меликов.) Второй Печорин старше и холоднее, у него иное лицо и весь облик; демоническую мрачность сменила усталая

Окончание на стр.18

К портрету «героя ушедшего времени»

Начало см. стр.17

ирония. К тому же он теперь не вне

Я составил на сегодняшний день хороший или дурной проект, не знаю, но по крайней мере надеюсь, что он приведет к объяснению. Он не удался.

Лермонтов Михаил Юрьевич

жизненных ситуациях и отношению к сюжетную ткань ложились бесчисленные тени, автор же то сгушал, то смягчал их, убирая примеси и меняя оттенки. Владимир Соллогуб насмешливо сетовал: «Увы! я должен выбрать лица своего рассказа не из вымышленного мира, не из небывалых людей, а среди вас, друзья мои, с которыми я вижу и встречаюсь каждый день, ныне в Михайловском театре, завтра на железной дороге, а на Невском проспекте всегда».

У Лермонтова другая интонация: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были узнаны».

«Я желал бы...» Но можно ли узнать лицо теперь — уже издалека, можно ли спрашивать, обернувшись к «немым голосам»?

В последней и самой зрелой его книге названы, кажется, уже все, вплоть до безымянного драгунского капитана. Однако по-прежнему неясно, что же такое Печорин — автопортрет, портрет (Александра Кaramзина или графа А.П.Шувалова) или же образ целого поколения, он один остается «закрытой» персоной. Впрочем, по словам Б.М.Эйхенбаума, вся «история замысла и писания "Героя нашего времени" совершенно неизвестна: ни в письмах Лермонтова, ни в воспоминаниях о нем никаких сведений нет». Тогда, может, еще оставлена где-то возможность простого узнавания?

Несколько графических портретов, занесенных волей обстоятельств из Петербурга в провинциальный музей, представляют одного из светских знакомых Лермонтова Константина Федоровича Опочинина (1808—1848), и среди них акварель, датированная годом смерти изображаемого. Знаменитый портретист В.И.Гау повторил здесь — видимо, по желанию вдовы — свою же работу, вошедшую в юбилейный альбом Конно-гвардейского полка, подготовленный к 1846 году.

Сам характер придворного заказа, казалось бы, предполагал тогда общий парадный тон многочисленных офицерских портретов, но художник избегает типовой бравурности образов. Так и в облике полковника флигель-альютанта Опочинина нет ничего нарочитого (во вкусе гоголевского Чертова) — «ни сильного, энергического поворота», ни «Марса в глазах»; бледное лицо меланхолично, отмечено тенью ранней усталости... Тут-то и возникает беспокойное чувство, как если, не задумываясь, здороваешься с кем-то и не можешь припомнить, почему.

Оказывается, об этом лице многое известно: черты его не просто знакомы, они были когда-то пристально рассмотрены, «прочитаны», движения их как бы наперед угаданы. В его улыбке непременно будет «что-то детское», а «следы морщин» на «бледном благородном лбу» обозначатся «гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства».

Словом, с этим лицом вполне соотносится очень конкретное описание Григория Александровича Печорина (повесть «Максим Максимыч», 1839 г.). Лермонтов-«рассказчик» продолжает:

«У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов. Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся (...) Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском (...) То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжи-

Для случайного совпадения здесь совмещается слишком уж много точек. Правда, Опочинину уже тридцать семь, но, судя по изображению 1841 года (домашний рисунок его юной жены), он мало изменился. Вообще же, следуя сюжету, его портрет легко представить в руках рассказчика вместе с записками умершего героя.

Константин Федорович Опочинин — сын Ф.П.Опочинина и пятой дочери Кутузова Дарьи Михайловны (от нее он унаследовал карие «несмеющиеся» глаза: тяжелые веки с низкими наружными уголками придавали лицам сходное выражение — грустной рассеянности у матери, холодноватого отстранения у сына). Детские годы он провел с бабушкой, вдовой фельдмаршала, много путешествовавшей по Европе, юношей служил в Варшаве при великом князе Константине, был свидетелем «польского мятежа». Ему была суждена блестящая карьера военного, успех в свете и недолгая жизнь (умер тридцати девяти лет во время эпидемии тифа). В 1830-е годы Опочинин постоянно жил в Петербурге, часто бывал в знаменитом салоне своей тетки Е.М.Хитрово и у Карамзиных, где встречался с Пушкиным, а позднее и с Лермонтовым.

Это знакомство оставило мало следов. Известно, что молодой поэт появился в обществе под покровительством Е.М.Хитрово в 1835 году (М.Б.Лобанов-Ростовский), тогда же, очевидно, познакомился с ее племянником. Позднее «Лермонтов охотно играл с Опочининым в шахматы» (П.А.Висковатов). В собрании рукописей поэта в ГПБ хранится шутливый записка 1840 или 1841 года:

«О, милый и любезный Опочинин! И вчера вечером, когда я возвратился от Вас, мне сообщили со всеми возможными предосторожностями роковую новость. И сейчас, в то время, когда Вы будете читать эту записку, меня не будет... (переверните) в Петербурге. Ибо я несу караул. И вот (стиль библейский и простодушный) поверьте моим искренним сожалениям, что я не мог Вас навестить».

И весь Ваш Лермонтов».

Из этого краткого послания ясно, что автор и адресат довольно часто виделись, сам же тон, непринужденный и стилизованный под «роковую весть», свидетельствует о дружеском понимании между ними. Вот, собственно, и все, дальше остается только гадать и, доверяясь портрету, выдавать желаемое за бывшее.

Что общего между ними (при различии положения, опыта и возраста), имели ли значение впечатления детства? Оба воспитаны бабушками, как раз в это время Опочинин писал о Е.И.Кутузовой:

«Я жил при ней, ею взлелеян, воспитан, сопутствовал ей во всех ее путешествиях с 1815 года, и потому, говоря о моей юности, буду говорить о ней, ибо она была альфа и омега моей жизни».

Тогда по рекомендации мадам де Сталь Кутузова пригласила для внука «ученого и добродетельного педагога господина Жандроса», а десятью годами позже в доме Арсеньевой

ных балов Софья Карамзина писала брату:

«Я имела удовольствие танцевать мазурку с молодым человеком, которого нахожу замечательно приятным и остроумным, с господином Опочининым, конногвардейцем. Я не знаю другого русского офицера (...), который бы соединял в себе столько природного ума с такой общей просвещенностью, такую начитанность

«Героя нашего времени»); Его наружность, к несчастью, вовсе не привлекательная...

На балах Печорин со своей невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален, или слишком зол, потому что самолюбие его страдало.

Он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физи-

М.Ю.Лермонтов в спортке Тенгинского пехотного полка. Акварель А.К.Горбунова. 1841.

К.Ф.Опочинин. Акварель В.И.Гау. 1848. (Угличский историко-художественный музей).

с легкостью в разговоре и с полным безразличием ко всему окружающему, так что на балу он разговаривал словно в нашей маленькой гостиной, без той рассеянности и какой-то озабоченности, которые делают наших кавалеров такими несносными (...) Мы были увлечены потоком разговора...

А.О.Смирнова-Россет вспоминала давние (весны 1832 года) балы в Аничковом дворце — в конце сезона, «в старых платьях»:

«Я надевала пунцовое платье и белые цветы и то и дело, что танцевала с Опочининым (...) Он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Императрица это заметила и мне сказала: "Вы с Опочининым очень красивая пара"».

Впрочем, их отношения, кажется, выходили из балных рамок. Опочинин хранил портрет Смирновой, а летом 1838 года наблюдательная Софья Карамзина писала сестре из Царского Села:

«В четверг утром Константин Опочинин приехал к нам, обедал, вечером мы были у м-м Смирновой, которая продолжает ему весьма покровительствовать, они уже виделись на балу в Петергофе, где великая княгиня Мария и м-м Крюденер благодарили ее за то, что она представила им такого прекрасного танцора, как Опочинин, добавив, что это было счастье, танцевать с ним; он немало этим польщен (...) Из признательности он с почтением смотрит на м-м Смирнову и говорит с ней, что меня бы очень забавляло, если бы он при этом часто не смеялся этим принужденным смехом, который я нахожу весьма прискорбным...»

Словом, Опочинин обладал качествами, которых так желал для себя молодой Лермонтов, все еще новый человек в столичном обществе (этот «маленький Леонин, офицерик из армии, довольно бедный, никому не родня», — В.Соллогуб «Большой свет»). Военный опыт и успешная карьера, репутация «модного челове-

олимпий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Он был небольшого роста, широк в плечах, вообще нескладен и казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению.

Он был среднего роста; стройный тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение.

Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся (...) положение всего его тела выражало какую-то непривычную слабость.

Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности...

Глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности...

Его кожа имела какую-то женскую нежность.

Бледный благородный лоб, на котором только по долгом наблюдении можно было заметить следы морщин...

Он мог бы блистать и нравиться, потому что ум и душа, показываясь наружу, придают чертам жизнь, ищут и заставляют забыть недостатки.

(о блеске глаз) То не было отражение жара душевного или играющего воображения.

Блеск ослепительный, но холодный.

(Отметим сразу, что Печорин, «московский» в столице, на Кавказе оказывается «петербургским»).

Первое описание почти буквально повторяет слова современников о внешности самого Лермонтова: «небольшого роста, некрасиво сложен, смугл лицом» (П.Ф.Вистенгоф); «приземистый, маленький ростом, с большой головой» (М.Е.Меликов.) Второй Печорин старше и холоднее, у него иное лицо и весь облик; демоническую мрачность сменяла усталая

Окончание на стр.18

К портрету «героя ушедшего времени»

Начало см. стр.17

ирония. К тому же он теперь не вне высшего света, не противопоставлен ему, а плоть от его плоти. Это не просто взросление персонажа (вслед за автором), на него будто падает тень другого человека.

Некоторые существенные черты биографии Опочинина совпадают с тем, что мы знаем о литературном герое. Условный год рождения Печори-

Я составил на сегодняшний день хороший или дурной проект, не знаю, но по крайней мере надеюсь, что он приведет к объяснению. Он не удался, и я ограничился одними мечтами...

17 ноября (начало востанья) «...Во двор внесли кучера генерала Исакова (...) Он испустил дух у меня на руках; это был первый убитый на моих глазах, ужасное зрелище заставило меня содрогнуться; оно могло случиться и со мною...»

23 ноября (отступление).

К.Ф.Опочинин. Рисунок В.И.Опочинина. 1841. Угличский историко-художественный музей.

на — 1808 (Б.М.Эйхенбаум); в повести «Максим Максимыч» его возраст доводится («с первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать»), и Печорин выглядит ровесником то Лермонтова, то Опочинина, причем в эти возрастные рамки вмещено все развитие образа. Наконец, служба в Конно-гвардейском полку: для Печорина это прошлое (после «Княгини Лиговской»), для Опочинина — настоящее, для Лермонтова — желаемое будущее. Печорин в отличие от Лермонтова «служил» в Польше, как и Опочинин. Сюжетный совпадения рассказа Печорина с записками молодого офицера будто бы нет, но примечательна сама «прямая речь» последнего:

1830 г. 9 ноября, Варшава (воскресный обед у коменданта).

«...Я слишком горд, чтобы искать объяснений (перемены к нему старых друзей. — С.К.); целый месяц я скрывал мое озорчение и мои слезы, не показывая, что замечаю их холодность (...) остается только отдалиться; я должен это сделать, хотя так привлек их любить, что это надорывает мне сердце. Нет, я не верю более в дружбу, я не положусь более ни на кого, но если бы когда-нибудь представился случай пойти за них в огонь, то я бы это сделал (...)

Сегодня за обедом она говорила мне о некоем Адольфе; это таинственное имя (кажется, из модного романа Бенжамена Констан. — С.К.) сводило меня когда-то с ума. Оказывается, что это никто иной, как милый американец, которому приписывают все качества, не исключая и названия героя. "Не моего романа", само собой разумеется.

«Наш полк стоит в окрестностях Кошенцы. 4-й взвод занимает несчастную деревеньку Вуля Техинька. Я первый раз нахожусь один на квартирах с моими храбрыми солдатами (...) Меня занимает новость моего положения...»

Есть ли здесь «печоринские» интонации или это только послышалось в голосе «Другого», жившего в ожидании собеседника?

Образ Печорина возник при появлении Лермонтова в свете и четыре года жил рядом с ним какой-то параллельной жизнью. Поэт активно творил себя — «петербургского»: сознательно или невольно намечал ориентиры, примеривал к себе чужой опыт и смотрелся в негладкую поверхность романа, как в текучую воду или старое стекло. Отражение менялось, туманилось, двоилось...

Что же, может, и правда когда-то, скажем — за шахматами, связало двух людей загадочное со-прототипическое родство, по праву которого Константин Опочинин стал «вторым слагаемым» непонятной персоны — Печорина. Но в подтверждение только «узнанное» лицо и этот почти карточный расклад вокруг старой акварели.

Весной 1840 года началась издательская история романа: «незеркальное отражение» отделилось от автора и, умноженное типографскими машинами, ушло жить само по себе. Печорин, оставшая Лермонтова ждать отъезда на Кавказ, начал собственное путешествие. Оглянулся ли он, как прежде в романе, с легким недоумением — «Неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога...»

СВЕТЛАНА КИСТЕНЕВА

Углич